

На некоторое время в комнате остались лишь дыхание двоих и переплетающиеся ароматы жасмина и персика.

Убедившись, что Цзян Синянь крепко уснул, Шэнь Юй приглушил настенный светильник. Приподнял край одеяла и не слишком умело натянул на него нижнее бельё. Во сне Цзян Синянь пару раз что-то простонал, но не проснулся.

Шэнь Юй поддерживал в комнате стабильную концентрацию феромонов, чтобы они успокаивали спящего, после чего переоделся в обычную одежду и вышел.

Кое-как съев несколько кусочков еды, он принялся разгребать документы, накопившиеся за три дня.

Линь Хуэй вышел и вскоре вернулся.

— Босс, соглашение, которое вы просили.

Он положил две бумажные копии на край стола.

Шэнь Юй коротко промычал, не отрывая взгляда от документа в руках.

— Насчёт господина Цзяна: по вашему поручению я уже сходил в военную академию и оформил ему освобождение. С тех мест, где он подрабатывал, тоже уволил.

Рука Шэнь Юя, делавшая пометки, остановилась.

— В академии что-нибудь сказали?

— Нет. — Линь Хуэй покачал головой. — Когда я оформлял освобождение, профессор Хуан даже обрадовался. По его словам, господин Цзян с начала учебного года практически не отдыхал ни дня.

Шэнь Юй поднял взгляд, показывая, чтобы тот продолжал.

— Профессор Хуан сказал, что из-за вечерних подработок он приходит утром особенно рано. А в праздники, если не работает, целыми днями сидит либо в тренировочном зале, либо в библиотеке.

Шэнь Юй несколько секунд молчал, легко постукивая пальцами по столу.

— Личное дело достал?

— Да. Уже отправил на вашу личную зашифрованную почту.

— Хорошо. — Шэнь Юй снова перевёл взгляд на документ. — Иди занимайся делами.

Линь Хуэй развернулся, вышел и закрыл дверь.

Шэнь Юй быстро закончил последние срочные документы и открыл почту.

Первым в файле оказалась фотография на удостоверение.

Цзян Синянь на снимке едва заметно улыбался, уголки губ чуть приподняты, а во всём облике чувствовалась присущая молодости острота.

Шэнь Юй посмотрел пару секунд и слегка нахмурился.

Цзян Синянь на фотографии был не очень похож на того, кого он видел последние несколько дней.

Но чем именно?

Шэнь Юй кончиком пальца коснулся на экране его глаз.

Вот чем. Глазами.

На фотографии они были столь же красивыми и явно пытались улыбаться, но в них таились отчуждённость и какая-то необъяснимая печаль.

Совсем не так, как в эти дни. Когда Цзян Синянь смотрел на него, янтарные глаза то становились влажными и зависимыми, то затуманивались соблазном; даже когда он обиженно краснел и почти плакал, они оставались живыми и прямыми.

Шэнь Юй прокрутил страницу ниже.

Резюме Цзян Синяня оказалось ярким и впечатляющим. С момента поступления он получил бесчисленное количество наград: за соревнования, учёбу, практические симуляции... Перечень занимал целых три страницы.

Его взгляд опустился ниже. В графе «семья» стояло «нет», а в качестве экстренного контакта был указан приют.

Сирота?

Но за эти дни, если не считать ненормальной зависимости от него, Цзян Синянь всё время улыбался, умел ласкаться и капризничать, выглядел как Альфа из хорошей обеспеченной семьи, в которой его любят. Совершенно не похож на сироту.

Линь Хуэй вошёл с новыми документами, и Шэнь Юй спросил:

— Откуда взяли сведения?

— Напрямую из архива военной академии.

Архив академии. Значит, ошибки быть не могло.

— Какая у него репутация в академии?

— Спрашивал у профессора Хуана. Он сказал, что господин Цзян выдающийся специалист, просто характер немного замкнутый, ни с кем особенно не сходится.

— Замкнутый?

— Да. Профессор Хуан говорит, он не любит говорить, не любит улыбаться, со всеми держится холодно и отстранённо.

— Не участвует ни в каких мероприятиях, не ходит на встречи однокурсников, в общежитии не живёт, после занятий сразу уходит и почти ни с кем не общается. — Линь Хуэй сделал паузу. — Но если его просят помочь, он помогает. Перед экзаменами многие приходят к нему за дополнительными занятиями, и он никогда не отказывает.

Шэнь Юй ничего не сказал, вновь посмотрев на экран. Одной этой информации хватало, чтобы примерно представить повседневность Цзян Синяня: занятия, тренировки, работа — три точки по кругу.

Линь Хуэй продолжил:

— Раньше он одновременно работал в трёх местах: официантом в отеле, в ночную смену в магазине и репетитором по выходным. На последней работе обучал детей боевым искусствам. Почасовая ставка была хорошая, но на прошлой неделе он уволился.

— Почему?

— Работодатель сказал, что он постоянно приходил на занятия с травмами, и родители стали жаловаться. — Голос Линь Хуэя понизился. — Я проверил. Похоже, он участвовал в подпольных боях.

Шэнь Юй поднял глаза.

— С каких пор?

— Почти два года. По два-три раза в неделю. Побед и поражений примерно поровну, но коэффициенты ставок высокие. — Линь Хуэй открыл на телефоне другой файл и протянул его. — Вот записи боёв.

Шэнь Юй быстро пролистал. Там были результаты выступлений Цзян Синяня — победы, поражения и суммы.

Побед было всё же больше, а ставки на каждый бой — немаленькие.

— Ему нужны деньги?

— Похоже на то. — Линь Хуэй кивнул. — Баланс счёта у него почти всегда держится на четырёхзначной сумме, но каждый месяц он переводит фиксированную и довольно крупную сумму в приют на юге города.

Шэнь Юй помолчал и выключил экран телефона, вернув его Линь Хуэю.

— Приют проверял?

— Да, конечно. — Линь Хуэй сразу ответил. — Директор сказала, господин Цзян вырос там.

— После совершеннолетия съехал. У приюта тяжёлые условия, но денег, которые он каждый месяц отправляет, почти хватает на базовые расходы всех детей.

Взгляд Шэнь Юя снова остановился на фотографии.

Неужели во время гона у Альфы может проявляться вторая личность? То, о чём рассказывал Линь Хуэй, и человек, которого Шэнь Юй видел последние дни, были словно двое разных людей.

Он уже думал, не позвонить ли Фэн И и не спросить, не его ли феромоны так повлияли на характер Цзян Синяня.

Линь Хуэй помедлил и добавил:

— Босс, есть ещё кое-что.

— Говори.

— Господин Цзян продавал свои феромоны на чёрном рынке.

Зрачки Шэнь Юя дрогнули.

Феромоны Альфы S-класса встречались чрезвычайно редко и на чёрном рынке стоили огромных денег.

Совсем недавно Синлянь обнаружил подпольную точку незаконного извлечения и торговли феромонами и как раз готовился накрыть её.

Для извлечения требовалась специальная игла, которой феромоны брали непосредственно из железы. Если не ввести достаточно анестетика, боль сравнима с пыткой.

— Сколько раз? — Голос Шэнь Юя потяжелел.

— В записях удалось найти четыре. — Линь Хуэй открыл материалы. — Самый ранний случай — вскоре после его дифференциации. Ему было четырнадцать, он учился в средней школе. В тот год случилась катастрофическая снежная буря.

Линь Хуэй не договорил, но Шэнь Юй и так знал. Та буря, прошедшая по всей стране, надолго парализовала экономику и разрушила бесчисленные семьи. В таких местах, как приюты, положение было ещё тяжелее.

— А остальные три?

— Один раз — в старших классах, чтобы собрать деньги на операцию для другого ребёнка из приюта с врождённым пороком сердца. Ещё раз — после того, как получил уведомление о зачислении в военную академию, но до начала учёбы. Куда ушли те деньги, пока установить не удалось.

— Последний раз — год назад. Сумма была очень крупной. Он полностью заменил в приюте системы освещения и горячего водоснабжения. Практически капитально его обновил.

Шэнь Юй молчал, внутри неприятно сжалось.

Он смотрел на фотографию с усталой улыбкой и невольно вспоминал живые глаза Цзян Синяня последних трёх дней, то, как он ластился и капризничал в его объятиях, и как пытался сдержать болезненный вдох, когда Шэнь Юй делал ему больно.

Слишком сильный контраст. Как будто это действительно два совершенно разных человека.

— Иди пока.

Линь Хуэй кивнул, вышел и прикрыл дверь.

Когда в кабинете стало тихо, Шэнь Юй взял телефон и набрал номер Фэн И.

<http://bllate.org/book/21308/2237933>